

СЛОВА БЕССЧАСТЬЕ И БЕССЧАСТНЫЙ В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ПРИЧЕТИ (НА ФОНЕ ДРУГИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЖАНРОВ)¹

ОЛЕСЯ ДМИТРИЕВНА СУРИКОВА

(Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н. Ельцина: 620000,
Российская Федерация, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51)

Аннотация. В статье изучаются особенности функционирования слов «бессчастье» и «бессчастливый» в текстах разных жанров русского фольклора (в пословицах и поговорках, загадках, частушках, заговорах, сказках, духовных стихах, былинах, исторических и лирических песнях, причитаниях), а также в художественных текстах и фрагментах живой речи. Устанавливается, что эти лексемы, имеющие диалектный («бессчастье») или преимущественно диалектный («бессчастливый») характер, обладают высокой частотностью только в севернорусской причети. В текстах остальных фольклорных жанров они практически не встречаются или появляются в ламентационных контекстах, которые можно считать результатом межжанрового заимствования из плачового дискурса. Распространенность слов «бессчастье» и «бессчастливый» в языке причитаний объясняется тремя факторами. Первый фактор — семантический — значимость понятия «бессчастье» для концептуальной системы плачей, которые остро нуждаются в выразителях базовой для жанра оппозиции «счастье — несчастье». Характеристика «бессчастливый» в причитаниях «вездесуща»: она может применяться к местоимениям, словам, обозначающим семейный и социальный статус («сирота», «вдова», «мать», «дети»), их заместительным номинациям («победнушка», «кокошица»), названиям временных отрезков и периодов («день», «молодость»), к наименованиям действий человека и событий, которые с ним происходят, предметов, которые его окружают, к обозначениям частей и органов человеческого тела и пр. Второй фактор, обуславливающий активность лексем «бессчастье» и «бессчастливый» в причети, — структурный — их участие в фигуре амплификации (нанизывания), функционирование в качестве сквозных симпатических эпитетов. Третье обстоятельство, которое определяет востребованность этих слов плачами, — актуализация их этимологических связей. «Бессчастье» (без-префиксальный дериват от слова «счастье», восходящего к праслав. *sъ и *čęstь 'часть') в плачах может обозначать не только 'отсутствие счастья', но и 'отсутствие части', что связано со спецификой представлений о доле в рамках переходных обрядов.

Ключевые слова: лингвофольклористика, прагматика текста, лексическая семантика, причитания.

Настоящая статья посвящена особенностям функционирования двух слов — *бессчастье* и *бессчастливый* — в фольклорных текстах (главным образом в языке севернорусских причитаний). *Бессчастье*

и *бессчастливый*, синонимы лексем *несчастье* и *несчастливый* — лексем, широко распространенных, имеющих общенародный характер и почти не связанных в своем употреблении дискурсивными

¹ Автор благодарит Т. А. Агапкину и С. М. Толстую, которые познакомились с работой и сделали ценные замечания.

условиями,— обладают характеристиками едва ли не противоположными. *Бес-счастье* — слово диалектное: оно не фиксируется в словарях современного русского литературного языка и не фигурирует в художественных и публицистических контекстах, представленных в «Национальном корпусе русского языка» [НКРЯ]. В лексикографических источниках диалектной лексики *бессчастье* толкуется как 'неудача, неуспех, несчастье, бездо-лье, недоля; когда кому не везет, судьба ничем добрым не оделяет' (без указ. м.) [Даль 1, 76], 'несчастье' (новг., прикам., кузб.) [НОС 1, 55; ОСК 1, 188; СРГЮП 1, 55], 'горе, несчастье' (пск., смол.) [ПОС 1, 195; ССГ 1, 174], 'тяжелая судьба, недоля' (оренб., ставроп., нижегор., курск., калуж., смол.) [СРНГ 2, 280].

Со статусом лексемы *бессчастливый* дела обстоят несколько сложнее: при том, что слово встречается преимущественно в диалектных источниках (*бессча́стны(о)й* арх., влг., ряз., смол., яросл., ср.-урал., алт. 'несчастливый' [Деулино, 54; СВГ 1, 31; СРГС 1, 109; ЯОС 1, 57; АОС 2, 18; СРГСУ 1, 44; ИЭРГА 1, 157], пск., кузб. 'лишенный счастья, радости; несчастливый' [ПОС 1, 194; ОСК 1, 188], бурят., новосиб. 'несчастливый, обездоленный' [СРГС 1, 66] и др.), оно попадает и в некоторые словари литературного языка (в том же значении, без территориальных и стилистических помет), ср. литер. *бессча́стный* — 'не имеющий счастья, удачи; несчастливый' [ССРЛЯ 2, 434; СлРЯ 1, 86]. Колебания лексикографов по поводу отнесения лексемы к тому или иному идиому объясняются ее периферийным статусом: это слово, кажущееся общенародным, встречается в текстах художественного и публицистического стилей крайне редко. Так, в [НКРЯ] содержится всего около 50 контекстов, включающих эту лексему, и среди них почти нет примеров, относящихся к концу XX в.: слово явно устарело (пики его частотности приходятся на начало XVIII

и конец XIX в.). Все это позволяет предположить, что лексема *бессчастливый*, как и *бессчастье*, в действительности принадлежит преимущественно народной речи. Чтобы уточнить специфику функционирования этих слов, мы обратились к языку фольклора.

Анализ текстов разных фольклорных жанров — пословиц и поговорок, загадок, частушек, заговоров, сказок, духовных стихов, былин, исторических и лирических песен² — показал, что лексемы *бессчастье* и *бессчастливый* обладают в них низкой частотностью или не встречаются вовсе³. Нет их, по нашим данным, в загадках, частушках и заговорах. В сказках *бессчастливый* фигурирует, но только как элемент ономастикона: записаны сказки о Марко Богатом и Василии *Бессчастливом*, о дворянине Даниле *Бессчастливом*, купеческом сыне Иване *Бессчастливом*, о стрелке по прозвищу *Бессчастливый* [Афанасьев 2, 346–350, 364–367; 3, 24–25, 253–259]. В духовных стихах существительное *бессчастье* встретилось один раз: *Послал Бог на Феодора бессчастье*⁴: *Умерла у него честная княгиня... [ГК, 288].* Исследованный нами корпус пословиц и поговорок, в целом насчитывающий более 30 тыс. паремий, содержит лишь 15 упоминаний *бессчастья* и *бессчастливого*. Пословицы, включающие данные лексемы, в большинстве случаев построены на антитезе — смысловой и словообразовательной (в ряде случаев антитеза поддерживается композиционными средствами — двухчастной структурой паремии). Противопоставление создается включением в текст слова с «положительным» значением (*счастье*) и его *без-*префиксального деривата, имеющего негативную семантику (*бессчастье*), ср. примеры: *Счастье на коне, бессчастье под конем* [Снегирев 1999, 290]; *Счастливым скачет, бессчастливый плачет* [Даль ПРН 1, 50]; *Счастье с бессчастьем — ведро с ненастьем* [Там же, 45] и пр.

² Статья является частью исследования, в ходе которого автор изучил корпус текстов разных фольклорных жанров на предмет наличия и особенностей функционирования в них лексем и сочетаний с предлогом и приставкой *без* — по классическим сборникам и текстам, размещенным на ФЭБ.

³ Приводя статистические данные, мы, разумеется, не считаем их абсолютными: речь идет об ограниченном (хотя и вполне репрезентативном) корпусе текстов каждого из жанров; анализ большего количества материала, возможно, привел бы к иным результатам.

⁴ Здесь и далее при подаче анализируемых слов сохраняется орфография источника.

В былинах и исторических песнях *бес-счастный* появляется 10 раз, *бессчастье* — 4 раза; в лирических песнях частотность слова *бессчастный* — 27 употреблений, лексема *бессчастье* не обнаружена. Приведем фрагменты текстов, в которых появляются интересующие нас слова. Былина: *И говорил-то он своей-то родной матушке: / «И ты пошто меня, родима моя матушка, / И меня бессчастливого Добрынюшку спородила?»* [БПЗБ, 180]; *А только ты зачим меня, матушка, бессчастливого спородила? / И на сёй на белый свет меня попустила?* [ДНАП, 98–114] и т.д. Историческая песня: *Ты, бессчастной доброй молодец! / Бесталанная твоя головушка! / Что ни в чем-та мне, братцы, талану нет, — / Ни в торгу, братцы, ни в товарищах...* [Соболевский 7, 483] и др. Лирическая песня: *Над рекой девка стояла, сама себе говорила: / «Или я бессчастлива, девка бесталанна, / Девка бесталанная, замуж сговоренная?»* [Там же, 81]; *Породила да меня матушка / Во бессчастный день во пятнищу...* [Там же 6, 140] и пр. Заметно, что характер контекстов, в которых участвуют *бессчастный* и *бессчастье* (при их немногочисленности), как правило, вполне определенный — ламентация. Более того, приведенные типичные фрагменты представляют собой (или включают в себя) устойчивые формулы, наиболее распространенные в текстах другого жанра, о котором и пойдет дальше речь, — в текстах причитаний.

Севернорусская причеть — в частности, похоронно-поминальная и рекрутская ее разновидности — может считаться эталонным жанром для использования слов *бессчастье* и *бессчастный*, а «плачевый» дискурс — эталонной средой для появления этих лексем. Исследование «классических» текстов причитаний, которые представлены в сборнике Е.В. Барсова [Б 1–2], а также в [Ефименкова 1980], показало, что *бессчастный* и *бессчастье* приобретают в плачах статус ключевых слов. Они обладают здесь высокой частотностью, смысловой нагруженностью, характеризуются большим количеством семантических связей, участвуют в разнообразных клише, имеют множество синонимов и ряд словообразовательных дериватов и пр. (об этих и других критериях выделения ключевых слов в фольклорном тексте см. [Никитина 2009, 30–32]).

В изученном корпусе причитаний зафиксировано 1260 случаев употребления лексем и конструкций с предлогом и приставкой *без*; они указывают на отсутствие 153 разных предметов и явлений. При этом на долю *бессчастливого* и *бессчастья* приходится больше половины всего массива лексики с *без*: эти слова встречаются в плачах около 674 раз. Такая активность — особенно в сопоставлении с количеством использования данных лексем в текстах других фольклорных жанров, в художественной литературе и публицистике — объясняется несколькими факторами.

Первый фактор — **семантический** — значимость понятия «бессчастье» для концептуальной системы причитаний. Причеть, в центре внимания которой находится смерть и рекрутчина, остро нуждается в выразителях базовой для жанра смысловой оппозиции «счастье — несчастье». Слова *бессчастье* и *бессчастный* принадлежат к лексико-семантическому полю «несчастье» — одному из наиболее разработанных в плачах полей. Синонимами и аналогами *бессчастья* в причитаниях являются слова *несчастье*, *бесталанье*, *кручинушка*, *обидушка*, *досада*, *зло-лихость*, *горе-беда*, *горе-злосчастье*, *невзгода-кручина* и пр.; синонимами *бессчастливого* — прилагательные *несчастный*, *неталанный*, *бедный*, *горький* и др. [Невская 1983, 223–225].

Прилагательное *бессчастный* имеет в языке причети широкую сочетаемость; оно в качестве характеристики существительного способно появляться как в устойчивых, повторяемых конструкциях, так и в сочетаниях окказиональных, возникающих «по инерции». *Бессчастный* — частотная автохарактеристика персонажа, от имени которого исполняется тот или иной фрагмент плача, и характеристика другого человека — вдовы, сироты, матери или сестры покойника или рекрута, а также самого рекрута. При этом *бессчастный* может быть эпитетом при местоимениях (*Так ведь Бог судил победной жить головушке, / На делу, видно, несчастье доставалось, / На роду я уродилась бессчастливая...* [Б 1, 229–230]; *Тут от бережка победны откачнулись, / От крутова мы бессчастливы отпехнулись...* [Б 1, 253]), а также определением при словах, обозначающих семейный и социальный статус, и их заместительных номинациях:

- сирота (Я не видла-то, победна, свету белаго, / Поосталась, **сирота горька-бессчастливая**... [Б 1, 62]);
- вдова/сирота-вдова/победнушка⁵/кокошица⁶/солдатка (Не нечаяла я горя, не надиялась, / Што разлукушки с затонной со державушкой, / Што останусь, **сирота-вдова бессчастливая**, / Я со этой станицей неудольчовой... [Б 1, 7]; Уж я лучше бы, **бессчастливая кокошица**, / И во сыру землю его да опустила бы, / И до Божьей церкви, горюша, проводила бы... [Б 2, 174]);
- мать/матушка/родитель (Я чего да сижу, **мать бедна бессчастливая**... [Б 2, 1]);
- дети/детушки (И лучше на свет оны были б не спорожены, / И как **бессчастливы сердечны эти детушки**... [Б 2, 66]);
- жена (И кабы знала ты, **бессчастлива молодца жена**... [Б 2, 98]);
- сестра (Уж как мы-то **сестры бессчастливы**, / Уж мы не знали да и не ведали, / Что получим весточку не радостную... [Б 1, 269]);
- брат/братец (И мой **бессчастливым**, светушко, **братец** родимой... [Б 2, 34, 35]);
- красна девица (Все я думала **бессчастлива красна девица**... [Б 1, 166]);
- добрый молодец (Уж ты Спас да наш Бладыко многомилосливой! / И Ты спаси да нас **бессчастливых добрых молодец**... [Б 2, 15]);
- солдат/солдатушка/рекрутик (И сговорят да тут судьи не правосудны: / «Марш! В поход пойти **бессчастливым солдатушкам**» [Б 2, 33]);
- суседушка (Да ты слушай же, **бессчастлива суседушка**... [Б 1, 10]).

Бессчастье в плачах — категория онтологическая; фатализм, свойственный причети, проявляется в том, что человек бессчастен «по судьбе»: *Уже я бедна, кручинна тут головушка, / Распеняюсь на судьбу свою бессчастную, / Разругаюсь я на жизнь да бесталанную*... [Б 1, 181]. Бессчастны дни зачатия и рождения персонажа, его жизнь, периоды жизни (молодость) и — в случае, если речь идет о рекруте, — служба. Ср. фрагменты текстов: *Уж как эту скачоную жемчужинку / И ты в бессчастный день во середу засияла, / И в бесталанный день во пятницу*

вспородила <...> И в бесталанный час по вечеру родила... [Б 2, 20]; *И рассказала б я, победная головушка, / И про свою да жизнь бессчастну про сиротскую*... [Б 2, 158]; *И во злодийном-проклятом бесталаннице / И горе-горькая бессчастлива моя молодость*... [Б 2, 151–152]; *И как родитель нас бурлаков попустила, / И нас не участью-таланом наделила, / И злой бессчастной этой службой наградила*... [Б 2, 77].

Характеристика бессчастный применяется в отношении действий человека и событий, которые с ним происходят: *Ай же, стань-ко ты вдова да пробудися, / От крепка сна бессчастлива прохватися*... [Б 1, 26]; *И увидаете, сердешныи, узнаете, / Тут про нашу бедну жизнь да про солдацкую, / И про бессчастное ядене со питемьцем*... [Б 2, 45]; *И кабы знали вы, сердечны милы детушки, / И про мое да про бессчастно росставанье, / И про горячее про слезно обливанье*... [Б 2, 131] и др.

Бессчастье касается сферы духа и интеллекта: возникает формула *Пораздумаю(сь) бессчастливым своим разумом*, представленная в ряде контекстов — *Пораздумаю бессчастливым своим разумом*, / Какой нрав-то у братцев у родимых, / Какой разум у сестриц да богоданных <...> *Пораздумаюсь бессчастливым своим разумом*, / Не поеду я со мужьяго помещица... [Б 1, 226–227]. Кроме того, бессчастливыми в языке причети становятся мысли и думушки: *И все я мыслю-то бессчастной своей мыслью*... [Б 2, 154]; *И мои думушки теперечко бессчастливы*... [Б 2, 97].

Бессчастен герой плача в целом — и отдельные части и органы его тела; интересующее нас прилагательное становится эпитетом при соматизмах:

- тело белое (И у их здрагиват **бессчастно тело белое**... [Б 2, 38]);
- голова/головушка (И подойти, бедной горющице, близешенько, / И наложить свои бессчастны белы рученьки <...> *И на бессчастну молодецкую головушку*... [Б 2, 27]);
- сердце/сердечушко (Роспеки да тепло красное ты солнышко, / Обогрей мое **бессчастно ретливо сердце**... [Б 1, 257]);

⁵ Сев. победнушка — ‘несчастливая, горемычная женщина’ [СРНГ 27, 190].

⁶ Сев. фольк. кокошица ‘о тоскующей женщине’ [СРНГ 14, 101].

- *утробушка* (Уже тут у меня у бедной у головушки <...> Разгорелася **бесщастная утробушка**... [Б 1, 34]);
- *грудь* (И отпущу как соколочка златокрылаго / И со своих да я победных со ясных очей, / И со своей да я **бесщастной со белой груди**... [Б 2, 230]);
- *плечушки и спинушка* (И дают розги во **бесщастны ваши плечушки**, / И уже бьют да так **бесщастну** вашу **спинушку**... [Б 2, 36–37]);
- *ноги и руки/рученьки* (И да ты можешь ли, **бесщастной-то солдатушко** <...> И уже стать да на **бесщастны резвы ноги**, / И все поднять свои **бесщастны белы рученьки**? [Б 2, 220–221]);
- *лицо/личушко* (И признавала бы светушка братца родимаго / И по солдацкому **бесщастну белу личушку**... [Б 2, 30]);
- *очи/очушки* (Наглядитесь-ко, **бесщастны мои очушки**, / И вы на эту на гербовую бумаженьку... [Б 2, 55]);
- *силушка* (И как придержится **бесщастна моя силушка**... [Б 2, 177]);
- *слезушки* (И смотрячи да на **бесщастны твои слезушки**, / И у меня да у бесщастна добра молодца / И унывать да все ретливое сердечушко... [Б 2, 98]);
- *кудерки* ('кудри'): И молодецкой буйной головой покачиват, / Он **бесщастными кудеркама** потряхиват... [Б 2, 60].

По логике причитаний **бесщастье** распространяется не только на все действия и мысли несчастливого человека, не только на каждую часть его тела, но и на окружающие его предметы. **Бесщастны** одежда героев плача, дом и утварь в нем: И отменю, бедна, Бладычны Божьи празднички, / И я заброшу-то **бесщастно** **цветно платьице**, / И **бесщастную** любимую **покрутушку**⁷; / И как што сдидется над красным моим солнышком, / Я к огню придам **тесовую кроваточку**, / И я **бесщастную пуховую перинушку**... [Б 2, 118]; И он снял да со **бесщастной буйной головы**, / И он не шляпоньку снимал да все **пуховую**, / И он **бесщастны кивера** снимал солдацкии... [Б 2, 235]; Ой, **бесщастное хоромное строеньице!** / Не таланна, видно, светлая ты светлушка! [Б 1, 95].

Существительное **бесщастье** в текстах плачей имеет устойчивые эпитеты **великое** и **злойное** (варианты — **зло-бесщастье**,

зло великое бесщастье). **Бесщастье** в причети, как правило, персонифицируется (что лежит в русле общеславянской традиции персонификации олицетворений судьбы, в том числе и злой, ср. укр. *Недоля*, *Біда*, белорус., укр. *Злыдни*, серб. *Несрећа* и др. [СД 2, 115, 116]). В соответствии с этим лексема сочетается с глаголами активного действия — в первую очередь движения и перемещения: **бесщастье прибирается** и **забирается** к человеку, **дожидается** его, **идет**, **летит**, **катится** за ним, **привязывается** к нему и пр. Ср. контексты: **Уж какое-то зло великое бесщастьице** / **Впереди меня злодейно снаряжалось**, / **На судимую сторонушку справлялося**, / **Во больиом углу бесщастьице садилося**, / **Впереди да шло** **бесщастье ясным соколом**, / **Позади оно летело черным вороном**... [Б 1, 8]; **Уж как етое злодийное бесщастьице** / **Круг наля впереди да обскочило**, / **Впереди да в путь дорожку снаряжалось**, / **На судимую сторонушку скатилося**, / **За дубовой стол бесщастье собиралося**, / **Во почестной во больиой угол садилося**, / **За праву руку бесщастье ухватилося**... [Б 1, 276–277] и др.

Бесщастьем награждают, **наделяют** при зачатии и рождении (в ряде случаев это делает мать героя): **Ты послушай же родитель моя матушка!** / **Хоть меня да ты родитель спородила**, / **Во бесщастной день победнушку засияла**, / **Ты не участью-таланом наделяла**, / **Приносила хоть в хоромное строеньице**, / **Не в больиой угол меня да полагала**, / **На кирпичную знать печеньку ложила** / **И сосновую лучину подстилала**, / **Тут великим бесщастьем награждала!** [Б 1, 265–266]; **И на роду мне-ка, горяшие, знать, уписано**, / **И на делу мне-ка, горяшие, доставалося** / **Уж как это зло великое бесщастьице**... [Б 2, 115] и пр.

Бесщастья боятся — в соответствии с народными представлениями о том, что тоска и недоля — нечто сродни заразной болезни, которая способна передаваться окружающим: **И откачнулись честны мужни молоды жоны** / **И от меня да от печальной от головушки**, / **И убоялися великаго бесщастьица**, / **И уж как этого злодийна бесталаньица**... [Б 2, 133].

Второй фактор, определяющий частотность слов **бесщастье** и **бесщастный** в языке причети, — **структурный**. Как

⁷ Олон. *покрутушка* — уменьш.-ласк. к *покрута* 'одежда; наряд' [СРНГ 29, 13, 14].

видно из приведенных контекстов, лексема *бессчастный* становится сквозным симпатическим эпитетом и вместе с *бессчастьем* активно участвует в построении традиционной для фольклора вообще и для причитаний в частности фигуры амплификации — нанизывания, многократного повторения одних и тех же слов в пределах текстовых фрагментов. Ср. еще показательный пример: *И нету милости, бессчастливым, нет прощеньища, / И под бока станут солдацкии подтыкивать, / И подобьют да ваши ясны эти очушки, / И победную бессчастную головушку, / И дадут розги во бессчастливы ваши плечушки, / И уже бьют да так бессчастну вашу спинушку <...> И тело с мясом у бессчастливых смешается...* [Б 2, 36–37].

Можно предположить, что существует и третье обстоятельство, которое влияет на активность лексем *бессчастье* и *бессчастный* в текстах причитаний, — **актуализация этимологических связей** этих слов. *Бессчастье* — без-префиксальный дериват от слова *счастье*, которое, как известно, восходит к праслав. **šťęstьje* — сложению основ **šť* (др.-инд. *su-* ‘хороший’) и **čęstь* ‘часть’ [Фасмер 3, 816]. *Часть*, в свою очередь, непосредственно связана с кругом архаических онтологических понятий и терминов: *век, доля, бог, пора*, возможно, *мера* и под. (см. об этом [Иванов, Топоров 1965, 65–73; Седакова 1990; Журавлев 1998]). В общем виде древний смысл этих терминов сводится к «жизненной потенции, *vis vitalis*»; ср. трактовку *доли* как «жизненно-го предопределения, назначенной участи, удела, жребия» [СД 2, 113]. Существенно, что *часть* и *доля* понимаются не только как индивидуальная судьба и предопределенность, но и как удел совокупный: *доля* — это «часть некоего целого, доставшаяся отдельному человеку и находящаяся во взаимозависимых связях с другими частями, долями» [Седакова 1990, 56] (отсюда, например, представления о том, что глубокий старик *заедает чужой век*).

Соответственно *доля* может быть и бывает коллективной, в частности семейной.

Особенную актуальность представления о доле получают в контексте переходных обрядов — рождения, свадьбы, проводов в армию, похорон. Во время этих обрядов происходит перераспределение коллективной доли — материального воплощения *vis vitalis* (об этом см., например, [Байбурина 1993, 51–53; Алексеевский 2008]). Так, «...во время похорон покойнику отдается его доля: дом (гроб), одежда, зерно, деньги и т.п., а после погребения “происходит перераспределение общей доли, в которой нет уже доли умершего”» [Алексеевский 2008]. Кроме того, «...в традиционной культуре существует устойчивое представление о том, что сам покойник стремится забрать на тот свет все, что ему принадлежит» (в частности, домашних животных — собаку, лошадь, корову), и даже более того: «...представление о том, что покойник может забрать не только свое, но и чужое имущество», что он способен покушаться на благосостояние семьи [Там же]. Говоря о доле, важно помнить и об особенностях статуса вдовы и сирот — об их *обездоленности*: маргинальном социальном положении, материальном и имущественном бесправию (попечение о них возлагается на общину). Таким образом, семья, проводившая покойника на тот свет (а также рекрута в армию⁸), лишается и в будущем еще может лишиться части общей доли — понимаемой и как материальные блага, и как жизненная потенция (*vis vitalis*).

Соответственно слово *бессчастье*, функционирующее в похоронно-поминальных и генетически восходящих к ним рекрутских плачах, может не только обозначать ‘отсутствие счастья’, но, учитывая присущий переходным обрядам комплексный характер понимания *доли*, способно значить ‘отсутствие части’ — части в коллективной семейной доле. Следовательно, *бессчастный* не только ‘несчастливый’, но и ‘лишенный части’⁹.

⁸ Положение рекрута и покойника, а также их семей соотносится (хотя и с определенной долей условности) на уровне похоронного и рекрутского ритуалов и вербального их сопровождения (структуры и поэтики плачей).

⁹ Даже если считать, что представления о коллективной доле не способны быть единственным объяснением частотности *бессчастья* в текстах причитаний, невозможно отрицать фактор актуализации этимологической связи *бессчастья* с *частью* в смысле судьбы индивидуальной — «назначенной части, определенной доли, которую надделитель мог отмерить в большем или меньшем количестве» [Журавлев 1998, 75].

Версия ремотивации, оживления этимологических связей слов *бессчастье* и *бессчастливый*, кажется, подтверждается тем, как выглядят эти лексемы на письме: в похоронных плачах, записанных Е.В. Барсовым, встречаются два (часто соседствующих) варианта — *безсчастье* и *бессчастливый*, *безсчастье* и *бессчастливый*. Ср. здесь показательные контексты, где *безсчастье* напрямую связывается с потерей *участи*: *Вкруте с дитятком **безсчастны** вы расталися, / Во горях да вы **бессчастны** во обидушке; / Вдруг проглунали талан да свою **участь**... [Б 1, 193–194]; *Да вы слушайте, спорядныя соседушки: / Не убойтесь зла великого **безсчастья**, / Не страшитесь-ко злодейной вы кручинушки: / Талан **участь** от вас не отшатнется, / Зло-великое **безсчастье** не привяжется... [Б 1, 172]; *Я подумаю своим глупым разумом: / Есть ли на свете такие люди **бессчастные**? / Зародила меня матушка на горе, / Наделила меня **частью** горькою... [Б 1, 113].***

Прозрачность связи *счастья* и *части* нередко актуализируется в лексикографических источниках XVIII—XIX вв. Так, в [СлРЯ XVIII в. 2, 16] дается одна словарная статья для лексем *безсчастье*, *безсчастье* и *безчасть* — ‘отсутствие счастья, удачи, благоприятной судьбы; несчастье, неудача’. В [САР 6, 942] зафиксировано два слова — *благочастье* — ‘благополучие, благоденствие’ и *злочастье* — ‘злообстоятельство, злополучие, злопамястие, злоключение’, — в которых положительная или отрицательная семантика формируется исключительно компонентами *благо-* и *зло-*. Показательно также новг. слово *бесчашный* — ‘несчастливый, злополучный’ [Опыт 1852, 9], а кроме того, статья к слову *счастье* в словаре В.И. Даля, где он предлагает сравнить его с *роком*, *судьбой*, *частью* и *участью*, *долей* [Даль 4, 381]. Ср. здесь еще курск. (1893), калуж., смол., пск. *бесчашье* ‘несчастье; неудача’ [СРНГ 2, 282], новг. *бесчашный* ‘несчастливый’ [НОС 1, 56], новг. *счасть*, петерб. *счась* ‘участь, судьба’ [СРНГ 43, 85, 86], др.-рус., церк.-слав. *часть*, *чашть* ‘счастье, удача’ [ЭССЯ 4, 107], ‘жребий, счастье’ — «Часть моя еси Господи» [САР 6, 668].

Следует отметить, что семантическая и формальная (фонетическая) близость слов *бессчастье* (*без-* + *счастье*), *бесчастье* (*без-* + *часть*) и *бессчастливый*, *бесчастливый* привела к фактическому их

неразличению и даже, возможно, переформлению в пределах морфо-семантического поля в некоторый общий конструкт. В письменных древнерусских и старорусских источниках встречаются следующие варианты графического оформления такого контаминированного лексического конструкта: *безсчастье* («безсчастье безбожное такъ мене крѣпко одержало» — 1688 г.) [СлРЯ XI—XVII вв. 1, 175], *бецшастие* («и не могохъ оузрѣти яго. и възпихъ много рыдания и бещастия» — XIII в.) [СДРЯ 1, 147], *бѣсчашье* («бѣсчашье ль твое поспешила или ты нравъ свои переменилъ» — XVII — начало XVIII в.) [СОРЯ XVI—XVII вв. 1, 152]; *бесчашный* («Буди бесчашному богъ» — XIV в.) [СлРЯ XI—XVII вв. 1, 175], *бецшашный* (XIV в.) [Там же, 147], *бесчашный* (*бесчашный случай* — XVII в.) [Там же, 175; СОРЯ XVI—XVII вв. 1, 152], *бесчашный* («Что мне делать, когда я бесчашна моим прошением...» — XVII в.) [СОРЯ XVI—XVII вв. 1, 152], *бесчашный* (XVIII в.) [Там же].

Смешение *без-*префиксальных производных лексем *счастье* и *часть* в сознании носителей языка порождает лексикографическую проблему выделения лексической оболочки и дефинирования слов. Составители словарей интерпретируют др.-рус. *бецшастие* как *безсчастье* ‘несчастье’ [СДРЯ 1, 147], ст.-рус. *бѣсчашье* и *безсчастье* — как *бессчастье* ‘то же’ [Там же; 175, СОРЯ XVI—XVII вв. 1, 152]. Перечисленные варианты прилагательных, как правило, сводятся к единому заглавному слову — *бессчастливый* — ‘несчастливый, несчастливый и под.’ [Там же], при этом порой ошибочно. Ср., например, ст.-рус. *бессчастливый* — ‘оказавшийся в бедственном положении’ — «Пожалуи гсдрни сестрица и Иван Петровичъ съсутте меня пшеницои... в семь пожалуйте не учините меня безчашна» [СОРЯ XVI—XVII вв. 1, 152]. Анализ контекстной семантики слова *бесчашный* позволяет отнести его к гнезду *часть* и восстановить облик лексемы и ее значение примерно так, как это сделано в [СДРЯ 1, 147] для слова *бецшашный*: *бесчашный* — ‘неимеющий доли, части’ — «о вторѣи женитвѣ... аще ли преже .ѡі. лѣ(т). во .ѡі. посагнути. бещашна будетъ. ничто же ѡ(т) перваго мужа приобрѣтающи».

В целом наблюдается тенденция к деэтимологизации слова *бессчастье* и вытеснению его более «сильным» омофоном

и синонимом — лексемой *бессчастье*: из всех доступных автору исторических и диалектных словарей *без-*префиксальные производные лексемы *часть* удалось обнаружить только в [СДРЯ 1, 147; СРНГ 2, 282; НОС 1, 56; Опыт 1852, 9] (см. примеры выше), а также в словаре В. И. Даля (*безчастье* — ‘отсутствие на кого-либо доли, части, пая’, *безчастный* — ‘кому нет части, доли, удела’ [Даль 1, 80]). Думается, процесс деэтимологизации интенсифицировался после орфографической реформы 1918 г.: переход к фонетическому принципу написания приставок на *з-//с-* привел к дополнительной путанице и последующей унификации написания в пользу варианта *бессчастье*. При этом, однако, интересно, что в пореформенных изданиях художественной литературы XVIII—XIX вв. бывший *безчастный* воспроизводится в виде *бесчастный*, ср.: «Лес, мол, государь, дремучий бор! ты прими меня странного, ты прими *бесчастного*-бесталанного <...> И елочка это словно тебя понимает: так-то плавно да заунывно лапами своими над тобой помавает: вздохни, мол, замученный! вздохни, бесталанный, *бесчастный!*» <М. Е. Салтыков-Щедрин>. Представляется тем не менее, что современному читателю такой облик слова кажется опечаткой, досадной оплошностью издателей. Различия между *бесчастным* и *бессчастным* сегодня «консервирует», пожалуй, только ономастика: до сих пор существуют фамилии типа *Бесчастных* и *Бесчастный*.

Итак, концептуальная значимость понятия «бессчастье» для жанра причитаний, а также высокая частотность слов *бессчастье* и *бессчастный* в причети — особенно в сравнении с их невостребованностью другими фольклорными жанрами — доказывают, что «плачевый» дискурс — эталонное окружение данных лексем. Это подтверждается приводившимися выше фрагментами из лирических песен и былин, в которых употребляются *бессчастье* и *бессчастный*, — ламентационными формулами, характерными для причитаний и представляющими собой если не межжанровые заимствования, то, по крайней мере, результат межжанровой «иррадиации». Слова *бессчастье* и *бессчастный* имеют своего рода «плачевый

шлейф» — в речи они зачастую фигурируют в «ламентационных» контекстах, ср.: «*Бешишасная* я такая зарадифшы» (пск.) [ПОС 1, 195]; «*Бессчастлиная*, счастья нету ни с той, ни с другой стороны, дитя нету. И она просит: “Пошли мне, Господь, смерти, чтоб не мучилась”. Вот это *бессчастье* ее» (сиб.) [ОСК 1, 188] и др. Функционирование этих лексем в художественных произведениях (как уже отмечалось, весьма редкое) имеет, как правило, характер фольклорного цитирования или имитации народной речи — и вновь предполагает обращение к поэтике плача, ср., например: «Увы, увы нам, *бессчастливым*, бесталанным! Увы сиротам убогим!» (1995) <М. Успенский>; «Стало, Гаврилушке надо будет в солдаты идти, голубчику моему ненаглядному, пареньку моему *бессчастному*, бесталанному?» (1875–1881) <П. И. Мельников-Печерский>; «Что же мне делать, коли такову меня Бог *бессчастную* родил?» (1905) <Д. С. Мережковский> и т.д.

Важнейшая особенность *бессчастья*, заметная при внимательном прочтении фольклорных и художественных контекстов, а также фрагментов живой речи, в которых фигурирует это слово, — принадлежность соответствующего понятия к числу онтологических констант. *Бессчастливым* человек рождается — и остается таковым на всю жизнь; *бессчастье* — постоянная, неизменная характеристика, и этим оно отличается от *несчастья*, которое понимается как ‘горестное событие’ [Шведова 2007, 643], ‘тяжелое, трагическое событие, несчастный случай; горе, беда, бедствие’ [Кузнецов 1998, 518], ‘бедствие, горе; несчастный случай’ [ССРЛЯ 7, 1208]. Разницу между понятиями «бессчастье» и «несчастье» убедительно демонстрирует возможность образования форм множественного числа от соответствующих лексем: *бессчастье* — постоянное свойство — в речи и текстах фигурирует только в единственном числе, тогда как *несчастье* — горестное событие — способно к образованию формы множественного числа (ср.: 33 *несчастья* или *много несчастий выпало на его долю* и под.). Вероятно, больший семантический объем слова *несчастье*, возможность обозначить им в том числе временные неприятности, «разовые» горести — причина широкой

распространенности, общенародности и дискурсивной несвязанности этой лексемы (а также производного от нее прилагательного *несчастный*). Так или иначе, специфика употребления синонимичных пар (*бессчастье* и *несчастье*, *бессчастный* и *несчастный*) — яркий пример того, как язык справляется с проблемой избыточности, ограничивая один из синонимов жесткими дискурсивными и жанровыми рамками. Наблюдение над

функционированием слов *бессчастье* и *бессчастный* в языке фольклора, выявление жанровой связанности, обусловленности этих лексем (принадлежность их к «плачевому» дискурсу и активность в текстах причитаний) позволяют говорить о феномене фольклорного жанрового лексикона — об эксклюзивном для разных типов фольклорных текстов наборе слов, выражающих базовые и уникальные для жанра смыслы.

Литература

Алексеевский 2008 — Алексеевский М. Д. Покойник как символический участник крестьянской поминальной трапезы // Проблемы изучения фольклора и русской духовной культуры.: Матер. межвуз. науч. конф. 31 мая — 2 июня 2007 г.; Сб. науч. ст. Орел, 2008. С. 28–34. URL: <http://nebokakofe.ru/archives/909>

Байбурин 1993 — Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.

Ефименкова 1980 — Ефименкова Б. Б. Севернорусская причеть. Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшенги (Вологодская область). М., 1980.

Журавлев 1998 — Журавлев А. Ф. К реконструкции древнеславянского мировидения (о категориях «доли» и «меры» в их языковом и культурном выражении) // Проблемы славянского языкознания: Три доклада к XII Междунар. съезду славистов. М., 1998. С. 71–87.

Иванов, Топоров 1965 — Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Счастье (доля) — несчастье (недоля) // Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М., 1965. С. 65–73.

Кузнецов 1998 — Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд. СПб., 1998.

Невская 1983 — Невская Л. Г. Синонимия как один из способов организации фольклорного текста // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., 1983. С. 221–234.

Никитина 2009 — Никитина С. Е. Человек и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект). М., 2009.

Опыт 1852 — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1852.

Седакова 1990 — Седакова О. А. Тема «доли» в погребальном обряде (восточно-

и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С. 54–63.

Снегирев 1999 — Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи / изд. подг. Е. А. Костюхин. М., 1999.

Шведова 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.

Сокращения

АОС — Архангельский областной словарь. М., 1980–. Вып. 1–.

Афанасьев 1–3 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. М., 1984–1985. Т. 1–3.

Б 1–2 — Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. М., 1872. Ч. 1–2.

БПЗБ — Былины Печоры и Зимнего берега (Новые записи). М.; Л., 1961.

ГК — Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. / сост., вступ. ст., примеч. Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошина. М., 1991.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882 (1989). Т. 1–4.

Даль ПРН — Пословицы русского народа: Сб. В. Даля. СПб.; М., 1879. Ч. 1–2.

Деулино — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссовета. М., 1969.

ДНАП — Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974.

ИЭРГА — Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая / под ред. Л. И. Шелеповой. Барнаул, 2007–. Т. 1–.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>

НОС — Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.

ОСК — Областной словарь Кузбасса / под ред. Э. В. Васильевой. Кемерово, 2001. Вып. 1. А — Б.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л.; СПб., 1967–. Вып. 1–.

САР — Словарь Академии Российской 1789–1794. М., 2001–2006. Т. 1–6.

СВГ — Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–2007. Вып. 1–12.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.

СД — Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1995–2012. Т. 1–5.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–. Т. 1–.

СЛРЯ — Словарь русского языка. 2-е изд., стер. М., 1985–1988. Т. 1–4.

СЛРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–. Вып. 1–.

СЛРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Л.; СПб., 1984–. Вып. 1–.

Соболевский 1–7 — Великолукские народные песни / изд. проф. А. И. Соболевским. СПб., 1895–1907. Т. 1–7.

СОРЯ XVI–XVII вв. — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. СПб., 2004–. Вып. 1–.

СРГС — Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1999–2006. Т. 1–5.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964–1987. Т. 1–7.

СРГЮП — Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Пермь, 2010–2012. Вып. 1–3.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–. Вып. 1–.

ССГ — Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974–2005. Вып. 1–11.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.

ФЭБ — Фундаментальная электронная библиотека. URL: <http://feb-web.ru/>

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев. М., 1974–. Вып. 1–.

ЯОС — Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–10.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина: 620000, Российская Федерация, Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51; тел.: +7(343) 350 75 97; e-mail: surok62@mail.ru

THE WORDS *BESSCHASTYE* ‘MISFORTUNE’ AND *BESSCHASTNY* ‘UNFORTUNATE’ IN THE LANGUAGE OF RUSSIAN LAMENTATION (COMPARED TO OTHER FOLKLORE GENRES)

SURIKOVA OLESYA

(the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin: Lenin av. 51,
620000 Yekaterinburg, Russian Federation)

Summary. *In the article the functioning of the words *besschastye* “misfortune” and *besschastny* “unfortunate” is studied in the texts of different genres of Russian folklore (in proverbs and sayings, riddles, *chastushka*-ditties, charms, folktales, spiritual poems, *bylina* epics, historical and lyric songs, laments), as well as in literary texts and live on-the-air speech fragments. These lexical items with dialect (*besschastye*) or mainly dialect (*besschastny*) appearance are of high frequency only in the northern Russian lamentation. They almost never occur in the texts of the other folklore genres or appear in lamentation contexts (the fact can be considered as a result of the inter-genre borrowing from lamentation discourse). The prevalence of the words *besschastye* and *besschastny* in lamentation language can be explained by three factors. The first — semantic — factor is the importance of the concept of “*besschastye*” (“misfortune”) for lamentations’ conceptual system that desperately need the exponents for the base genre opposition “fortune — misfortune”. There in the lamentations *besschastny* characteristic is ubiquitous: it can be applied to pronouns, nouns indicating family and social status or their substitution nominations, names*

of periods and time intervals (like day, youth), to the names of human actions and events that happen to people, things that surround them, to the names of parts and organs of the human body and so on. The second — structural — factor causing the activity of the lexemes *besschastye* and *besschastny* in lamentation is the fact of their participation in the figure of amplification and their functioning as permanent sympathetic epithets. The third factor actualizes etymological relations of these words. *Besschastye* the noun is derived from the *shastye* by means of prefix with depriving significance (“bez-“ — “non-“) from the the word *schastye* ‘fortune, happiness’ rising to Proto-Slavic **sz* and **čestv* ‘chast’, part’) can mean not only ‘lack of happiness’ but also ‘lack of a part’ that is associated with specific ideas about the share / the *quantas* in rites of transition.

Key words: linguistic folkloristics, pragmatics of text, lexical semantics, laments.

Literature

Alekseevskiy M. D. Decedent as a Symbolic Participant of the Peasant Commemorative Rite. *Problems of the Studies upon Folklore and Russian Spiritual Culture. The Papers of the Inter-university Scholarly Conference the 31st of May — the 2nd of June 2007*. Orel, 2008. Pp 28–34. URL: <http://nebokakcofe.ru/archives/909>. In Russian.

Bayburin A. K. Ritual in the Traditional Culture. Structural and Semantics Analysis of the East-Slavic Rituals. St. Petersburg, 1993. In Russian.

Efimenkova B. B. The Northern Russian Lament. The Interflue of the Sukhona, Jug and Upper Kokshen'ga — Rivers (Vologda District). Moscow, 1980. In Russian.

Ivanov Vyach. Vs., Toporov V. N. Schast'ye “Happiness” (*Dolya* “*quantas*”) versus Misfortune (*Nedolya* “Non-*quantas*”). *Slavic Language Modeling Semiotics Systems (The Ancient Period)*. Moscow, 1965. Pp. 65–73. In Russian.

Kuznetsov S. A. The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language. 1st Edition. St. Petersburg, 1998. In Russian.

Nevskaya L. G. Synonymy as one of the Methods of the Organization of the Folklore Text. *Slavic and Baltic Linguistics. The Problems of Lexicology*. Moscow, 1983. Pp. 221–234. In Russian.

Nikitina S. E. Individual and Society in the Folk Confessional Texts (Lexicography Dimension). Moscow, 2009. In Russian.

Sedakova O. A. *Dolya* “*quantas*” — the Topic of the Funeral Ritual (East- and South-Slavic Material). *Studies in the Sphere of the Baltic-Slavic Spiritual Culture. The Funeral Rite*. Moscow, 1990. Pp. 54–63. In Russian.

Snegirev I. M. Russian Folk Proverbs and Apologues. Edited by E. A. Kostyukhin. Moscow, 1999. In Russian.

The Explanatory Dictionary of the Russian Language including Data on the Origin of the Words. Editor N. Yu. Shvedova. M., 2007. In Russian.

The Probe of the Regional *Velikorussian* Dictionary, edited by the Second Department of the Emperor Academy of Sciences. St. Petersburg, 1852. In Russian.

Zhuravlev A. F. To Reconstruction of the Ancient Slavic World-View (*Dolya* “*quantas*” and *Mera* “measure” — the Categories in their Linguistic and Cultural Manifestations). *Problems of the Slavic Linguistics. Three Reports to the 12nd International Slavist Congress*. Moscow, 1998. Pp. 71–87. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: surok62@mail.ru

Tel.: +7(343) 350 75 97;

Lenin av. 51, 620000 Yekaterinburg, Russian Federation;

Post-graduate student, Department of Russian Language and General Linguistics, the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
